вестях Белкина» самоустранение личности перед высшими ценностями жизни оборачивается ее самосохранением.

Мудрый Пушкин — это человек и поэт, переживший драму и вступивший в стадию эпоса. Он и начинает свои тридцатые годы с первоэлемента «эпической жизни» — с семьи, а в творчестве продолжает их созданием «Медного всадника», «Капитанской дочки», «Истории Пугачева». Так Пушкин совершает в своей жизни и творчестве «весь мыслимый человеческий цикл и, заканчивая, сам увенчивает его „Памятником"».

Это лишь схема, «скелет» основной концепции книги Н. Скатова, которая живет и дышит многосторонне осмысленной биографической и творческой стихиями пушкинского гения. Ясно, что перед нами совершенно новый, оригинальный заход к судьбе Пушкина и одновременно достойнейший и убедительнейший ответ любым подходам к национальному гению с лакейской точки зрения. Биографический труд Н. Скатова «не вносит в мир святыни» «невольничьих тревог». С полным сознанием особого предназначения великого человека он утверждает высокую истину:

Твоя судьба — на гранях мира
Не снисходить, а возвышать. (А. Фет)

Сугубо человеческий и потому глубоко национальный подход Н. Скатова к исследованию духовной сущности Пушкина открывает новые грани и в пушкинском творчестве, видит в нем «зерно», из которого прорастает вся новая русская литература, и в пушкинской жизни, на духовных высотах явившей прообраз и образец будущего.

*Ю. В. Лебедев*

**Чудакова М. ЖИЗНЕОПИСАНИЕ МИХАИЛА БУЛГАКОВА.** М.: Книга, 1988. 496 с.

Литературоведческие книги обычно не пользуются большим успехом у широкого читателя. Тем примечательнее опубликованные в «Книжном обозрении» (1989, 11 августа) результаты конкурса на лучшую книгу 1988 г. Среди 100 лучших книг читателями названа монография М. О. Чудаковой «Жизнеописание Михаила Булгакова». Этот читательский успех объясняется и темой книги, и достоинствами в ее разработке.

По словам Герцена, история русской литературы XIX в. — сплошной мартиролог. К истории литературы XX столетия данное определение приложимо в еще большей степени.

Михаил Афанасьевич Булгаков избежал участи ряда своих современников и не стал жертвой репрессий в прямом смысле слова, но он имел полное основание говорить о себе как о «разгромленном и затравленном литераторе». С 1926 г. он не видел своих произведений в печати. А в 1937 г. он писал Вересаеву, что «за семь последних лет сделал 16 вещей и все они погибли, кроме одной» (инсценировки Гоголя).

И после своей безвременной кончины Булгаков на протяжении четверти века был фактически под запретом или подозрением. Лишь с 60-х годов стали появляться в печати его некоторые драматические и повествовательные произведения. Но целый ряд его сочинений по-прежнему нельзя было издавать до начала эпохи перестройки. Вот один малоизвестный широкой публике пример.

Когда пишущий эти строки готовил как редактор 93-й том «Литературного наследства», вышедший в 1983 г., предполагалось, что главным содержанием тома будут не опубликованные в советской печати пьесы Булгакова (включая «Зойкину квартиру», «Багровый остров», «Адама и Еву»). Нас очень поддерживала комиссия по литературному наследию писателя во главе с К. М. Симоновым. Но авторитетный член редколлегии, академик Храпченко, наложил на нашу публикацию вето под тем предлогом, что за границей эти произведения уже печатались. Так том «Из истории советской литературы 1920—30-х годов» и в 80-е годы оказался без Булгакова.

Теперь положение резко изменилось. Читатель мог познакомиться уже почти со всеми произведениями Булгакова. Некоторые из них выходят миллионными тиражами. Появится пятитомное собрание сочинений и четырехтомное «Театральное наследие». Булгаков оказался даже в преимущественном положении по сравнению со многими другими замалчивавшимися и запрещавшимися писателями. У большинства из них пока печатаются только тексты «опальных» произведений с краткими предисловиями. Булгакову посвящен уже ряд литературно-критических статей и исследовательских работ, появились многочисленные воспоминания, составившие объемистый и содержательный сборник. Сформировался целый отряд квалифицированных булгаковедов, среди которых самое заметное место принадлежит М. О. Чудаковой, посвятившей уже много лет изучению жизни и творчества автора «Мастера и Маргариты». Обширный и разнообразный перечень ее работ, начавшийся с научного описания булгаковского архива, работ и публикаторских, и текстологических, и комментаторских, и обзорных, и аналитических, завершился теперь фундаментальной биографией.

Следует констатировать, что вопреки традициям, связанным с изучением XIX в., история литературы XX столетия изучалась недостаточно углубленно и недостаточно конкретно. У нас нет настоящих биографий писателей нашего ве-